

"Коммунистическая правда"
1944, 29 мая, № 126

ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ. ПЕРВОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ.

ЕСТЬ ИСКРА!

Заметки о спектакле «Повесть об одной любви».

Талантлив ли Сергей Кротов? Поверим на слово автору: талантлив. Он хочет стать писателем. Он любит Фолкнера и не любит пожилого, но, увы, мало-талантливого сослуживца. Он хочет, чтобы никто не мешал ему жить.

Сложная личность Сергей Кротов. И восхитительно одиозная. Ткнул пальцем в карту — выбрал судьбу. Гипертрофия указательного пальца — перст указующий. Это ничего, с кем не бывало. Хуже, когда перст указующий запускается в разверстую рану. Пусть поболит, авось прозреешь от боли...

Что остается от гипотетического писательского дара, кроме острой и злой наблюдательности и умения писать корреспонденции об итогах полевого геологического сезона?

Поверим автору: кое-что остается. Остается напросто осознанная истина о том, что на фундаменте своего маленького «я» не выстроишь здания художественной судьбы. Что владение словом — это еще не талант. Что так называемая искра божия — она же искра человечности и, если она есть, ты должен разжечь ее в пламя, которое согреет не одну душу.

У Сергея Кротова все впереди. За пределами пьесы Анатолия Тобояка «Повесть об одной любви» его ждут просторы, на которых ему разжигать свои костры.

Есть ли талант у Александра Пантелеева, исполнителя роли Кротова в спектакле театра имени Станиславского? Здесь ничего не примешь на веру, кроме того, что эту веру в тебе утверждает, — жизни актера в роли, предназначенной ему драматургом и режиссером.

Если не знать, сколько лет Пантелееву, — а ему двадцать семь, — то просто предположить, что он ровесник своего Кротова. И столь же первоначально предположение, что не его играет он вовсе, а живет его (читай — своей) жизнью. Надо полагать, и потерянные добела джинсы — не из театрального гардероба. Манера двигаться, жесты, речения, повадки — полная раскованность, раскрепощенность — знаки и приметы мгновенно узнаваемого и отнюдь не сценического поведения. Роль динамична, и Пантелеев демонстрирует отменную акробатическую выучку — прыжки, кульбиты, перевороты ошеломляют тихого театралы. Но все эти физические усилия — лишь «внешность» той внутренней си-

лы, того духовного напряжения, что делают эту первую большую работу молодого актера заметной и многообещающей.

В этом спектакле немало интересных актерских работ. Н. Варлей в роли Кати, жены Сергея; Б. Белоусов — Иван Иванович Суворов и Л. Полякова — Юлия Павловна Минусова — сотрудники редакции областного радиовещания; В. Кутаков и Л. Савченко (чета Савостиных), на ограниченной площади сценического действия воссоздающие драму безрадостной супружеской жизни. Режиссер вывел на сцену актеров, по-новому раскрывших свои дарования.

В этом спектакле много энергии, и источник ее очевиден: режиссура молодого Петра Штейна. Правда, эта энергия отдана молодым, и образы иных персонажей, например, сорокадвухлетнего редактора Бориса Антоновича Воронина (В. Анисько), чью рану разбередил Кротов, предстают обедненными.

По воле и замыслу режиссера редакционные столы трансформируются то в траурные, то в аскалатор метро, то в телефонную будку. Легко перемещаясь в пространстве, Кротов овладевает перемещения окружающий его мир. Покой, застылость, рутинна должны быть взорваны, и он — взрывает... Правда, порою так, что энергия захлестывает берега темы и разрушает образ движения. Движения мысли, характеров, духовных состояний героев. Лихой кувырок Бориса Антоновича предвещает всего лишь намерком на переворот, произведенный в душе редактора яростным максималистом Сергеем. А вотом, а финале, когда обозначается итог и идея спектакля, на сцену выкатится самолет. Мол, надо лететь дальше. Летать.

Лишнее, пожалуй. Ведь самое главное, насущно необходимое режиссеру и его товарищам, они уже сказали нам: у Сергея, у его жены Кати, у их друзей все впереди. Есть искра, и ей еще предстоит стать костром.

Все это можно сказать и о них самих — молодых творцах спектакля. За его пределами их ждут иные спектакли и роли, и хочется верить, что искренность, с какой они повели нам эту историю, не иссякнет...

Т. МАМАЛАДЗЕ.

Сцена из спектакля «Повесть об одной любви». Катя — Н. ВАРЛЕЙ. Сергей Кротов — А. ПАНТЕЛЕЕВ.

Фото М. СТРОКОВА.